

2.5. Языковые особенности блоков информации и их системные отношения в прозаических произведениях М. Лермонтова

Лексико-грамматические и стилистические особенности прозы М. Лермонтова наиболее полно отражают строй мыслей и чувств человека, тонко чувствовавшего нормы социальных отношений, сложившихся в России в первой половине XIX в.: чиновничество, угодничество, лицемерие. Поэтому основой развития образных представлений у писателя являются отношения каузальности, которые устанавливаются между БИ на интегративно-парадигматическом уровне, то есть на уровне целого текста как системы. Системно-структурная организация дистантных ядер в синтагматическом ряду БИ – это контаминация категориальных ситуаций модальности, темпоральности, временной локализованности/нелокализованности с субъектно-объектным значением и др. «Категориальная ситуация – это выражаемая в высказывании типовая сигнификативная ситуация, выделяемая на основе принадлежности ее элементов к тому или иному функционально-семантическому полюсу» [40, с. 20]. В результате их переплетений складывается определенное функциональное содержание, приобретающее в условиях контекста денотативное или коннотативное значение.

При установлении синтагматической зависимости ядер в микротеме героев между БИ эксплицируются категориальные ситуации аспектуальности, ярко выраженной модальности и залоговости, отражающие отношения причинной обусловленности ядер. И здесь наблюдаются некоторые особенности: в ТЛ Печорина («Герой нашего времени») следствием выступают ядра, характеризующие его с точки зрения рассказчиков; складываются причинно-следственные отношения с обратным расположением структурно-логических компонентов, что определяется коммуникативными целями автора: дать вначале воспоминания о Печорине как следствие отношения героя к рассказчикам, а затем – дневник самого Печорина, где он выступает в роли повествователя. Например, следствие: *славный малый; немножко странен* (1-й БИ); *Я составил себе о нем не очень выгодное понятие* (2-й БИ) – причина: *Я за нее [Бэлу] жизнь отдам, – только мне с нею скучно* (3-й БИ); *[глаза] не смеялись, когда он смеялся; взгляд непродолжительный, но пронизательный и тяжелый... мог бы казаться дерзким, если б не был столь равнодушно спокоен* (4-й БИ); следствие: *он ветреный человек, на которого нельзя надеяться; он дурно кончит* (5-й БИ); *я убедился в искренности того, кто так беспощадно выставлял наружу собственные слабости и пороки* (6-й БИ) – причина: *Какое мне дело до радостей и бедствий человеческих!* (8-й БИ); *Я презираю женщин, чтобы не любить их* (10-й БИ); *у меня врожденная страсть противоречить* (11-й БИ) и т. д.

В ТЛ Вадима («Вадим») или чиновника Красинского («Княгиня Лиговская») наблюдается прямой порядок причинно-следственной обусловленности: («Вадим») причина: *Он враждебный гений этого дома* (4-й БИ); *ты способен обнять... все сотворенное; ты мог бы силою души разрушить естественный*

порядок (7-й БИ); Вадим имел несчастную душу, над которой иногда единая мысль могла приобрести неограниченную власть (10-й БИ) – следствие: Ты хищный зверь, а не человек (11-й БИ). Или в романе «Княгиня Лиговская» причина: Я беден! Да, я беден!; я должен непременно его ненавидеть (2-й БИ) – следствие: Я буду богат непременно, во что бы то ни стало. Бедный, невинный чиновник! Он не знал, что для этого общества, кроме кучи золота, нужно имя, украшенное историческими воспоминаниями (какие бы они ни были) (4-й БИ).

При выражении категории залоговости ведущим грамматическим признаком синтагматических отношений БИ, составляющих ТЛ в прозе Лермонтова, является бинарная оппозиция актив/пассив как выражение отношений противоречия при характеристике персонажа. Если контрастирующие отношения не являются доминирующим признаком при характеристике персонажа, образ подается только в активе (например, образ Красинского). Причем семантико-грамматическая оппозиция актив/пассив способствует активизации причинно-следственных отношений не только между БИ в синтагматическом ряду, но и внутри самого блока. И в этом отношении наиболее выразителен образ Печорина («Герой нашего времени»), поданный в трех аспектах: с точки зрения Максима Максимыча, повествователя и с точки зрения самого Печорина. В результате устанавливаются различия способов языкового представления предикатов отношения в лексико-синтаксической структуре.

При характеристике героя с точки зрения Максима Максимыча в ядрах БИ оппозиция актив/пассив актуализирует именные формы предикативного ряда: славный малый; немножко странеч (1-й БИ); Я составил себе о нем не очень выгодное понятие, однако некоторые черты в его характере показались мне замечательными (2-й БИ); Я за нее [Бэлу] жизнь отдам, – только мне с нею скучно (3-й БИ); взгляд его – непродолжительный, но пронизательный и тяжелый (4-й БИ); он ветреный человек, на которого нельзя надеяться (5-й БИ); Я убедился в искренности того, кто так беспощадно выставлял наружу собственные слабости и пороки (6-й БИ). При характеристике Печорина с точки зрения самого героя («Дневник Печорина») актуализатором смысла (при той же оппозиции) становятся глагольные формы, реализующие различные семантические отношения – межличностные, эмоциональные, рациональные. Настоящее постоянное в сочетании с прошедшим многократным создает словообраз, прошедший через призму оценки рассказчиков и читателя, – образ эгоистичного, равнодушного человека, характеристика которого затем подтверждается функционально-семантической структурой следующих БИ. Например: Мне грустно. И зачем было судьбе кинуть меня в мирный круг честных контрабандистов?; Да и какое мне дело до радостей и бедствий человеческих ! (8-й БИ); Я чувствую, что мы когда-нибудь с ним столкнемся на узкой дороге, и одному из нас несдобровать (9-й БИ); Я презираю женщин, чтобы не любить их (10-й БИ); У меня врожденная страсть противоречить (11-й БИ); А ведь есть необъятное наслаждение в обладании молодой, едва распустившейся души! Она как цветок; его надо сорвать в эту

минуту и, подышав им досыта, бросить на дороге: авось кто-нибудь поднимет! (15-й БИ) и т.д.

В ТЛ Печорина мы выделили 24-е БИ, где в качестве доминирующего выступает 16-й блок, по форме изложения напоминающий исповедь, и где контрастные отношения являются основной категориальной связью данного БИ с блоками не только данной микротемы, но и с БИ других ТЛ – Бэлы, Максима Максимыча, Мэри, Грушницкого: *Я был скромн – меня обвиняли в лукавстве: я стал скрытен; я чувствовал себя выше их, – меня ставили ниже... Я был готов любить весь мир – меня никто не понял: и я выучился ненавидеть... Я говорил правду – мне не верили: я начал обманывать; ...Я сделался нравственным калекой: одна половина души моей не существовала., я ее отрезал и бросил, – тогда как другая шевелилась и жила к услугам каждого...* Складывается семантическое поле отношения: с одной стороны, конкретный субъект, представленный, в основном, именной структурой ядерных предикатов, нелокализованных во времени, с другой стороны – обобщенный субъект, который лексикализуется с помощью глагольных абстрактных предикатов, также не прикрепленных к определенному отрезку в прошлом. Уже внутри БИ намечаются контрастные отношения субъектов, маркированные лексическими средствами абстрактной семантики, которая представлена предельными глаголами со значением многократности, повторяемости действия и непостоянным признаком кратких прилагательных, сравнительной степенью наречия и предикатов с ярко выраженной семантикой модальности потенциального мотивированного действия как выражением причинной обусловленности.

В результате оппозиция противоречия, или контрадикторные отношения являются доминирующими при установлении системных отношений данного БИ с другими ТЛ, например: *[Бэла] начала печалиться о том, что она не христианка и что на том свете души ее никогда не встретится с душою Григория Александровича – мне с нею скучно* (Печорин); *Мы с твоим барином были приятели* (Максим Максимыч) – *какое дело мне до радостей и бедствий человеческих!* (Печорин).

Оппозиция актив/пассив как выражение контрастных отношений становится определяющей категориальной связью не только на уровне отдельных БИ и дистантных синтагматических отношений между ними, но и на уровне интегративно-парадигматических связей БИ – на уровне целого текста. Кроме того, контрастные и причинно-следственные отношения, устанавливаемые между предикатами ядерных структур БИ, участвуют в создании определенной модальности, выступая в несобственной модально-экспрессивной функции: в частности, функциональное содержание глагольных форм (несовершенное длительное, повторяющееся, многократное в сочетании с совершенным результата) вносит модальные оттенки неизбежности, долженствования. С этой точки зрения, категорию ярко выраженной модальности также можно назвать текстоорганизующей в прозаических произведениях М. Лермонтова.

В повести «Вадим», где оппозиция актив/пассив становится ведущим грамматическим признаком при создании образа главного героя, категориальная ситуация модальности также имеет лексико-грамматическое оформление: структура предложения и инфинитив как выражение категоричности действия еще больше обнажают контрастирующие отношения ядер: *В его глазах было столько огня и ума, столько неземного* (1-й БИ – пассив) – *лучше издохнуть с голода и жажды в какой-нибудь пустыне, чем... лизать руку, кидающую мне остатки пира* (3-й БИ – пассив) – *Он был враждебный гений этого дома* (4-й БИ – актив) – *он не мог вырваться из демонской своей стихии* (8-й БИ – актив) – *Надобно иметь слишком великую или слишком ничтожную мелкую душу, чтоб так играть жизнью и смертью* (9-й БИ – пассив); *Ты хищный зверь, а не человек!* (11-й БИ – актив) и т. д.

Таким образом, показателем бинарной оппозиции актив/пассив выступает функциональное содержание предикативных основ БИ: морфолого-синтаксическое ядро (действительный/страдательный залог) и лексико-морфологическое выражение действительного залога (возвратные/невозвратные формы), а также лексико-синтаксическая оппозиция переходности/непереходности, то есть при выражении данной оппозиции присутствуют все способы выражения категории залоговости.

Оппозиция актив/пассив как показатель актуализации смысла нагляднее проявляется в 1-м БИ, который становится препозицией причинно-следственных и контрастных отношений, складывающихся на уровне ТЛ. Например, в повести «Вадим»: *Одна страсть владела его сердцем или лучше – он владел одною страстью, но зато совершенно!* Такое авторское варьирование функционального содержания структур усиливает, конкретизирует общую субъективную модальность: появляется дополнительный оттенок значения категоричности волеизъявления, безапелляционности. В результате синтаксическая структура 1-го БИ как способ имплицитного выражения субъективно-модальных значений по мере движения ТЛ эксплицируется лексико-грамматическими средствами, и прежде всего местоимениями как выражением производителя действия (я, он) или мыслимого субъекта речи и модальными словосочетаниями: *решил завлечь в свои замыслы, решился погубить невинное сердце, не мог вырваться из демонской своей стихии, должен был родиться всемогущим* и т. д., а также эмоциональной интонацией: *не почитал ли он ненависть добродетелью?; что такое величайшее добро и зло?; Надобно иметь слишком великую или слишком ничтожную мелкую душу, чтоб так играть жизнью и смертью!; он верил в бога, – но также и в дьявола!; а в груди Вадима какая буря!* и др.

Дистантные вариации субъективно-модальных оттенков значения (в 1-м БИ – значение волеизъявления, во 2-м – категоричности утверждения, в 7-м – призыва, в 9-м БИ – значение недоумения, в 11-м – возмущения и т.д.) обуславливают тесное взаимодействие различных речевых функций: коммуникативной, экспрессивной и апеллятивной. И как аргументация

взаимозависимости функций звучат слова повествователя в 13-м (последнем) БИ ТЛ Вадима: *он хотел узнать, какое чувство волнует душу при виде... казни, при виде самых ужасных мук человеческих, и нашел, что душу ничего не волнует!* Являясь заключительным ядром блока, данная структура выступает опосредованной доминантой субъективного внешнемодального значения, заключенного в словах сестры Вадима: *ты хищный зверь, а не человек!*

Глагольные структуры, совмещая различные грамматические категории: аспектуальности, модальности, залоговости (актив/пассив как выражение морфолого-синтаксической оппозиции или переходность/непереходность глагольного ядра как выражение лексико-синтаксической оппозиции) способствуют динамике, участвующей в создании определенной оценочности, так как являются своего рода экспрессивными точками повествования. Однако при создании словообраза глагольные формы дополняются именными структурами как показателем функционально-семантической нагруженности ядер. Например: *Быть всегда настороже, ловить каждый взгляд, значение каждого слова, угадывать намерения, разрушать заговоры, прип ворваться обманутым, и вдруг одним толчком опрокинуть все огромное и многотрудное здание из хитростей и замыслов – вот что я называю жизнью* («Герой нашего времени»); *Его душа расширялась, хотела бы вырваться, обнять всю природу и потом сокрушить ее, – если это было желание безумца, то по крайней мере великого безумца* («Вадим»).

Между этими ядрами можно установить и общность семантики (желания эгоиста), и общность функционального содержания: бинарная оппозиция индикатив/конъюнктив как выражение гипотетической модальности, инфинитив как способ передачи категоричного индивидуального волеизъявления непосредственно указывают на общую субъективную модальность всего текста.

Эта же оппозиция устанавливается и в повести «Княгиня Лиговская» при характеристике чиновника Красинского, страдающего от зависти к высшему обществу. При этом морфологические категории глаголов выступают в несобственных функциях. Более того, при выражении модальных оттенков значения оппозиция индикатив/конъюнктив имеет комбинированный характер: сочетание лексико-грамматических и неграмматических средств. Например: *Разве я не такой же дворянин. Как вы? Я беден! Да, я беден! <...> Нет! никогда! никогда, никогда я вам этого не прощу!* (1-й БИ) – *Разве... вы не чувствовали, не догадались с первого взгляда, что я должен непременно его ненавидеть?* (2-й БИ) – *Целое утро он прилежно, может быть, в первый раз от роду, рассматривал с ног до головы департаментских франтиков, чтоб выучиться повязывать галстук и запомнить, сколько пуговиц у жилета надобно застегнуть* (3-й БИ) – *Я буду богат непременно, во что бы то ни стало, и тогда заставлю это общество отдать мне должную справедливость»* (4-й БИ) – *он с завистью смотрел на разных господ со звездами и крестами.., и множество мыслей теснилось в его голове. «Чем я хуже их? ...будет и на нашей улице праздник», – жалкая поговорка мелочной ненависти* (5-й БИ).

Видовременные формы глаголов, и в частности будущее время, воспринимаются в данных структурах как выражение ирреального – сослагательного желательного наклонения (*не прощу, заставлю*). Модальные оттенки требуемого, желаемого действия подкрепляются системой лексико-грамматических средств: вопросительная модальная частица *разве?* в сочетании с видовременными формами глаголов, усиленных модальными словами, наречиями и наречными сочетаниями, словообразовательные приставки (*выучиться, повязывать галстук*), канцелярский стиль (*отдать должную справедливость*) вносят дополнительные оттенки неуверенности, оскорбленного самолюбия. Кроме того, синтаксические условия функционирования лексико-грамматических средств способствуют дополнительному установлению определенных модальных оттенков значения: это интонационное варьирование (*Нет! никогда! никогда, никогда*), градационное усиление семантической значимости (*не чувствовали, не догадались*) а также авторские замечания, выступающие аргументацией читательских ассоциаций: *«будет и на нашей улице праздник»*, – жалкая поговорка мелочной ненависти; *Бедный, невинный чужоземец! Он не знал, что для этого общества, кроме кучи золота, нужно имя, украшенное историческими воспоминаниями (какие бы они ни были).*

Оппозиция актив/пассив как основной признак БИ у Лермонтова имеет четкую соотнесенность с семантической структурой художественного образа: данный признак доминирует при характеристике человека активного, противоречивого, имеющего твердый, волевой характер. В остальных случаях данная оппозиция уступает место только активной синтаксической конструкции. Например, при характеристике помещика Палицына («Вадим»): *Палицын слыл честнейшим человеком во всем околотке – и точно! Он погубил только одно семейство (1-й БИ) – Борис Петрович боялся смерти! ...чувство, равно свойственное человеку и собаке, вообще всем животным (2-й БИ) – Борис Петрович был человек, то есть животное, которое ничем не хуже волка (3-й БИ).* Или при характеристике Ольги («Вадим»): *Это был ангел, изгнанный из рая за то, что слишком сожалел о человечестве (1-й БИ) – Она имела сильную душу, которая не заботилась о неизбежном и по крайней мере хотела жить, пока жизнь светла (2-й БИ).* Или при характеристике Бэлы («Герой нашего времени»): *Она была хороша: высокая, тоненькая, глаза черные, как у горной серны, так и заглядывали к вам в душу (1-й БИ) – Я не раба его – я княжеская дочь! (2-й БИ) – [Бэла] начала печалиться о том, что она не христианка и что на том свете душа ее никогда не встретится с душою Григория Александровича (3-й БИ) и т.д.*

Кроме оппозиции актив/пассив, грамматическим признаком БИ в прозаических произведениях Лермонтова является аспектуальность как основное категориальное значение глагольных форм в ядерных структурах, то есть «характер протекания и распределения действия во времени» [224, с.40], в частности длительность, многократность, интенсивность протекания действия предельных глаголов. Именно глаголы становятся характерологическим

признаком межличностных и эмоциональных отношений героев и определяют динамизм повествования, являясь своего рода «полем напряжения». Например: *Я подкрался и прилег; Я его не люблю; я чувствую, что мы с ним столкнемся; одному из нас несдобровать; Я презираю женщин; Я буду наслаждаться; зачем я так упорно добиваюсь любви; цветок... надо сорвать... и... бросить на дороге; разрушать чужие надежды (Печорин); лучше издохнуть, чем лизать руку; он решил завлечь ее в свои помыслы; его душа хотела вырваться, обнять... и потом сокрушить; он не мог вырваться (Вадим); я вам этого не прошу; я должен непременно его ненавидеть; неприязнь зародилась (Красинский) и т. д.*

Глаголы у Лермонтова самодостаточные, так как несут оценочно-квалифицирующую информацию, которая затем дополняется, уточняется, актуализируется качественным типом именных структур, например: *свет не терпит в своем кругу ничего сильного, потрясающего; вы не услышите ничего лишнего; как мало вы там и услышите; в таниющем кавалере ума не полагается; взяточник принимается хорошо, трус облакан везде («Княгиня Лиговская»); горе тому, кто наказал смех слезами; ты мог бы силою души разрушить естественный порядок и восстановить новый; он не мог вырваться из демонской своей стихии; он верил в бога, но также и в дьявола; он должен был родиться всемогущим или вовсе не родиться («Вадим»); беспощадно выставляя собственные слабости и пороки; я уже прошел тот период жизни душевной, когда ищут только счастья, когда сердце чувствует необходимость любить сильно и страстно; я так упорно добиваюсь любви девочки; разрушать чужие надежды («Герой нашего времени»).*

Неакциональная семантика именных предикативов вступает в противоречие с акциональными глаголами-предикатами, в результате чего обнажается устойчивый концепт: при характеристике Печорина – концепт ‘эгоизм’, Вадима – концепт ‘жестокость’, при характеристике чиновника Красинского – концепт ‘зависть’. Только при соотнесении этих значений с сигнификативным содержанием названий произведений можно определить смысл заголовков у Лермонтова, причем только в повестях «Вадим» и «Герой нашего времени». Так как повесть «Княгиня Лиговская» осталась незаконченной, ее название имеет нулевой смысл.

Видовременные формы глаголов в произведениях М. Лермонтова богаты аспектуальными значениями, основным из которых является темпоральная оппозиция настоящее постоянное/имперфект с преобладающей формой презенса. Такое соотношение неакциональной семантики предикатов с моделями акциональной имперфектной семантики (при небольшом их количестве) создает единый повествовательный план – настоящее постоянное нелокализованное во времени с ярко выраженной оценочной модальностью и экспрессивностью.

Таким образом, в прозе Лермонтова отсутствует процесс развития, нет будущего предвидения событий, что объясняется личностью самого писателя: сопоставляя настоящее с прошлым, он не выводит первое из второго, а

противопоставляет одно другому, считая, что вслед за плохим настоящим наступит плохое будущее [99]. Анализ синтагматических и парадигматических отношений в произведениях Лермонтова позволяет сделать вывод о том, что в создании образов наиболее активными являются стилистическая фигура контраста – антитеза как выражение отношений противоречия, а в качестве тропов – ирония и даже сарказм.

Каждый БИ в микротеме содержит эксплицитное выражение субъективно-авторской позиции к изображаемому, которая накладывается на позицию повествователя, то есть содержит проявление авторизации как указание на источник информации, с одной стороны, а с другой – раскрывает семантический потенциал интерпретации содержательной структуры блоков. И в этом отношении велика роль паралингвистических средств, в частности интонационной оформленности ядерных структур, декодирование которых в большей степени связано с лексико-функциональным содержанием БИ. Особенности интонационного варьирования вносят элемент разговорности, что придает повествованию живость, эмоциональность, окрасивая высказывания в определенные модальные оттенки: негодования, возмущения, неодобрительности, сочувствия, нежности, грусти и т. д. Например: *А, право, жаль, что он дурно кончит... да и нельзя иначе! ...нет проку в том, кто старых друзей забывает!; Неужели мое единственное назначение на земле – разрушать чужие надежды? Что ж? Умереть так умереть! потеря для мира небольшая; Я – как человек, зевающий на бале, который не идет спать только потому, что еще нет его кареты. Но карета готова... прощайте! и др. («Герой нашего времени»); Что такое величайшее добро и зло? – два конца незримой цепи, которые сходятся, удаляясь друг от друга; странно! Он любил ее; или не почитал ли он ненависть добродетелью?; что делать! Он не мог вырваться из демонской своей стихии; так играть жизнью и смертью!; и что же он такое? – вчера нищий, сегодня раб, а завтра бунтовщик, незаметный в пьяной, окровавленной толпе; что делать! он верил в бога, но также и в дьявола! и др. («Вадим»); Трус обласкан везде, потому что он смиренный малый, а замешанный в историю! – о! ему нет пощады: маманьки говорят об нем: «Бог его знает, какой он человек», – и папеньки прибавляют: «Мерзавец!»; в нашем бедном обществе фраза: он погубил столько-то репутаций – значит почти: он выиграл столько-то сражений и др. («Княгиня Лиговская»).*

Языковой особенностью БИ в прозе Лермонтова можно рассматривать и словопорядок – структурно-синтаксическую организацию ядер. Прямой, или объективный порядок слов с выраженной актуализацией объектного ряда при характеристике героя также является средством выражения субъективной модальности – категоричности утверждения, индивидуального волеизъявления. Кроме того, начальная позиция субъектов действия или речи, эксплицированных местоимениями *я, он, она* и др., а также эксплицитное выражение предполагаемого субъекта действия (синтаксическая структура предложения)

становятся семантическими структурными центрами БИ. Например: *Я всегда знал, что он ветреный; Я убедился в искренности; я не хочу вынуждать у него признаний; я уже прошел тот период жизни душевной; неужели мое единственное назначение на земле – разрушать?; Я не раба его – я княжеская дочь!; Она хорошо сделала, что умерла; Максим Максимыч человек достойный уважения и т. д.* («Герой нашего времени»); *он владел одною страстью; он любил ее; ты способен обнять своею мыслию все сотворенное; надобно иметь слишком великую или слишком ничтожную мелкую душу; ты хищный зверь и др.* («Вадим»); *я буду богат непременно; он с завистью смотрел на разных господ со звездами и крестами и т. д.* («Княгиня Лиговская»).

Таким образом, доминирующими грамматическими признаками БИ являются категориальные ситуации аспектуальности, залоговости и модальности, которые определяют причинно-следственные отношения при интегративно-парадигматической связи БИ. Причем в зависимости от характеристики героя отношения причинной обусловленности могут иметь прямой и обратный порядок следования логических частей, что обусловлено коммуникативными намерениями автора. При выражении категориальной ситуации залоговости как установлением отношения противоречия при характеристике героя обнаруживается наличие бинарной оппозиции актив/пассив, которая активизирует отношения причинной обусловленности не только между БИ на уровне системы, но и внутри самого блока. В результате наблюдаются различия в способах языкового оформления предикатов отношения: глагольные формы организуют различные семантические отношения – межличностные, эмоциональные, рациональные – при характеристике героя с точки зрения самого героя, оценка же персонажа с точки зрения рассказчика организуется как именными, так и глагольными формами предикативного ряда. При выражении оппозиции актив/пассив у Лермонтова присутствуют все способы выражения данной морфологической категории. Глагольные структуры, совмещая различные категориальные ситуации, динамичны, так как участвуют в создании определенной оценочности. Более того, они самодостаточны, однако при создании образа могут дополняться именными структурами как показателем функционально-семантической значимости ядер БИ.

Еще одним доминирующим признаком в БИ у Лермонтова является аспектуальность, в частности, длительность, многократность, интенсивность действия. Основная оппозиция при выражении данной категории – темпоральная оппозиция настоящее постоянное/имперфект с преобладанием презенса, что способствует созданию единого повествовательного плана – настоящего вневременного.